

АЛЬФА-ПИЛЮЛЯ

1

Его понимание не было сколько-нибудь оригинальным. Он воспринимал свою жизнь как катастрофу. Я это я, думал он. Я — это тело, привычки, сознание. Отстранённость от окружающего рождала в нём умиротворённость, изредка спускающуюся на душу. В ответ на внимание к своей глубине, глубина эта гулко отзывалась. Отзывалась как? Как эхо в горах, как ветер в поле, как птицы в лесу, как сердце в ответ на другое сердце.

Его звали Дерек, и ему было 43 года. Высокий лоб, широкое лицо. Ему шли усы и бородка, которые он завёл недавно. Карие глаза с поволокой говорили о плохо скрываемой чувственности. Независимая походка. Серьёзный мужчина? Не совсем так, мешала нервичность движений и переменчивость состояний. Мешало сознание избранности для какого-то важного события.

Да, я — это я. Но кто он — этот я? Как моё я отличается от подобных ему у моих знакомых? И — от окружающих меня вещей, от моего смартфона или от кошки Алисы? И вообще, есть ли у меня задача? Есть ли у меня глубина за хаосом настроений и ассоциаций? Так думал он до встречи с Ионой.

Иона говорил, что у человека есть два я — сознание и подсознание. Сознание плоское как дважды два четыре. Подсознание скрытое, интуи-

тивное, глубокое. Оно — наше подлинное я, сознанию абсолютно недоступное.

Мы живём в придуманном мире, в котором живут все. Наш мир состоит из понятий и представлений здравого смысла, таких, например, как «солнце встаёт на востоке и садится на западе», или «мышь меньше слона», или «обезьяна умнее овцы» и т.п. Он также состоит из представлений, заимствованных из религий Запада и восточных учений. Третью часть нашего мира образуют научные идеи, например, идея опоры на опытное знание. Это три части суггестии, которую на нас накладывает общество. Однако помимо социальной суггестии и глубже нее действует космический гипноз, вынуждающий меня верить тому, что я — человек, живущий на планете Земля среди таких же существ.

Так говорил Иона, и его слова убеждали. Получалось, что миражи вокруг меня и моё собственное я — выдумка, внушённая мне социальной и космической суггестией. В подлинный мир можно войти, только освободившись от миража, от навязанного мне сознания. Но как освободиться от сознания, как спуститься в глубину своего я? Дерек и его друзья не раз спрашивали об этом Иону. И получали в ответ неясные намёки или туманные рассуждения.

Христианскому монаху на это потребуется не один десяток лет. Суфию, возможно, — два-три года. Раджа-йога может достичь пробуждения за год. Но есть способ пробудиться за десять минут.

Не грозит ли такое пробуждение ужасными открытиями, в результате которых пробуждённый страстно захочет снова уснуть и беспробудно спать до самой смерти? Это не так. Пробуждение, или выход из паутины боли и наслаждений, — всегда благо. Нет большего блага для спящего и видящего ужасные сны, чем пробуждение.

А разве смерть не несёт такое пробуждение? Может быть, нужно просто дожидаться смерти? Нет, конечно, смерть только фиксирует состояние человека, которое сам он не видит, ослеплённый миражами жизни.

На расспросы о том, как возможно такое пробуждение без долгих и мучительных усилий монахов и суфиев, Иона как-то рассказал об Альфа-пилюле. Но что это за пилюля, и как ее раздобыть? Обычным

людям это невозможно. Их делают очень мало, две или три пилюли для особых людей. Это люди с особой миссией, полученной свыше.

Кроме того, есть несколько условий, которые должны быть соблюдены для того, чтобы Альфа-пилюля оказала свое чудесное действие. Вот одно: перед тем как её принять, человек должен находиться в состоянии приподнятости, воодушевления и восторга. Проще всего такое состояние достигается путём опьянения в компании близких по духу людей.

Это не наркотик, который имеет временный эффект и тяжёлый отход. С Альфа-пилюлей нет никакого отхода, потому что нет пути назад. Пробудившийся больше не поддаётся суггестии и потому он не может вернуться в мир иллюзий.

Теперь нужно хоть немного рассказать об Ионе. Он появился в компании Дерека и его друзей год назад и стал пользоваться авторитетом человека, причастного к серьёзным источникам. Никто не знал, где Иона живёт и с кем дружит. Авторитет подогревался его таинственными исчезновениями и неожиданными появлениями. В компании он был внимателен к каждому и держался легко и уверенно. Он знал ответы на вопросы, мучавшие их. Кроме того, Иона легко угадывал то, что происходило с Дерексом и его друзьями, читал их души как открытую книгу.

Можно понять, что разговоры об Альфа-пилюле всех взволновали. Что означает снятие сознания? Не грозит ли такому человеку сумасшествие? На это Иона отвечал, что таблетку нужно принимать в присутствии эксперта, ибо проявления освободившегося могут оказаться более чем неожиданными. Ведь освобождение от иллюзий должно породить такую степень свободы, которую нельзя сравнить ни с чем, нам известным.

Вряд ли кто из нормальных людей согласится на утрату своего сознания. Да, мы прячемся в него, как полевая мышь в свою норку. Наверное, так мы устроены, что не можем без него обойтись. И даже если предположить, что взамен мы получим другой, неизмеримо более мощный инструмент, ещё неизвестно, как он будет работать и не окажется ли он неуправляемым и слишком сложным для решения простых жизненных задач.

Дерек понимал, что дело тут вовсе не в пилюле. Пилюля только минимизирует время ожидания и тем самым заостряет ситуацию, делает её непосредственно неотвратимой. Однако эта ситуация, типичная для любой религии и мистического учения, требует ответа на вопросы: что такое объект желаний? что значит «пробуждение» от иллюзий? что значит «истина»? что происходит с достигшим этой цели?

За короткую жизнь человеку нужно ответить на несколько важных вопросов, стоящих перед каждым: кто я? зачем я здесь? зачем всё? Но Альфа-пилюля не даёт растянуть подходы к этим ответам на десятки лет, заполненные мазохистским аскетизмом. Страхов было много и разговоров не меньше, однако, чем больше друзья обсуждали идею с Альфа-пилюлей, чем больше она вызывала у всех опасений, тем более привлекательной она становилась. Под конец двое из трёх друзей Дерек были уже готовы принять участие в этой аванюре, один — отпал и отошёл в сторону, а сам Дерек был в нерешительности.

Двух отважных авантюристов звали Грег и Борис, и они задали Ионе прямой вопрос: может ли он добыть для них эти пилюли и сколько это будет стоить. Ответ Ионы их озадачил: товар бесплатный, и он сможет добыть его для них только при условии, что Дерек примет свою пилюлю вместе с ними. И тогда взгляды Грега и Бориса обратились на Дерек.

Дереку нужно было собрать всё своё мужество, чтобы не уступить давлению и не ответить отказом — под влиянием того же давления со стороны друзей — как реакцией на него. Нет, он должен сам всё обдумать и принять решение. Слишком силён был соблазн сделать как тот, так и другой выбор. Вся его жизнь, годы упорных поисков и практик, повисли на паутинке. Ему 43 года, он холост, вернее разведен, у него нет ни перед кем никаких обязательств. Едва ли у него будет ещё один такой шанс погибнуть или пробудиться от сна, а сознание избранности сыграло не последнюю роль в его решении.

Грег и Борис прочитали всё по его лицу. Друзья обнялись и разошлись, не сказав друг другу ни слова. Все знали о намеченной на другой день пирушке, и Иона был предупреждён.

Отмечалось сорокалетие их общего приятеля Самсона. Самсон занимал причудливый лофт на одной из богемных улочек города. Неважно, какого города — Нью-Йорка, или Мадрида, или Лиссабона, а может быть, даже Москвы. В Москве, правда, нет богемных улиц, но причудливых лофтов — сколько угодно. Впрочем, в Париже, Мадриде и Нью-Йорке тоже больше нет богемных кварталов, а есть кварталы туристов, кварталы Красных фонарей, кварталы правительственных учреждений и банков, спальные кварталы, кварталы бедноты, даунтауны, чайнатауны, маленькие Италии и т.д. и т.п. Куда же подевалась богема? Неизвестно. Слава богу, что кое-где ещё сохранились богемные лофты.

Лофт Самсона был необъятный, безмерный, растягивающийся, сжимающийся, силиконовый, резиновый. Он вытягивался и растягивался по мере продвижения по его анфиладам и его наполнения людьми. Потолки, правда, были угрожающе низкими, но зато в лофте было столько комнат, что царь Соломон мог бы спокойно разместить в нём свой гарем, однако он каждый раз попадал бы не к той жене, потому что у него, наверняка, не было бы точной карты лофта. Его картографы заблудились бы в этом лабиринте, не говоря уж о евнухах и самих жёнах. Представьте, сколько бы там было ссор, женского визга и ключев рваных волос, включая парики, накладные хвосты и шиньоны. Бедняга Соломон!

Самсон никогда не испытывал трудностей местонахождения, так как у него не было ни одной постоянной Далилы, и он жил в той части лофта, в которой находил себя в данную минуту — остальные его не интересовали. Его вообще мало что интересовало. Он считал себя художником, но никто никогда не видел его картин. Зато не было лучшего места для всевозможных сборищ и оргий, длящихся не одни сутки и даже не одну неделю, чем лофт Самсона. Можно сказать, что в этом месте одни праздники сменяли другие в длинном ряду дней, ночей и комнат. Комнаты, дни и ночи образовывали непрерывный континуум, в котором обитали Самсон, знакомые Самсона, знакомые его знакомых и вовсе незнакомые люди, составлявшие большинство на любом сборище, при этом чувствуя себя старожилками и даже патронами этого заведения.

Обладатель большого и рыхлого тела, всклокоченной рыжей бороды и седой растрёпанной шевелюры, Самсон наполнил свой лофт подобранной на помойках слоновой мебелью, которая сама приходила к нему и располагалась по углам. А так как углов в лофте Самсона было несчитанное множество, то и соф, диванов, кушеток, канапе, кресел, табуретов и стульев, а также комодов, бюро, столов и столиков было тоже достаточно. Гостям было где развернуться, разложить курительные приборы, расставить бутылки, бутылки, фужеры, стаканы и лафитники, а также тарелки и тарелочки с немудрящими закусками. Среди гостей заведения Самсона музыканты, художники и литераторы составляли костяк и основу, хотя представители этих цехов терялись в безмерной толпе рантье, торговцев, карманников, гангстеров и отвязных девиц. Также его посещали полицейские, переодетые в трансвеститов, политические деятели, замаскированные под рыбаков, медиумы, играющие в гипнотизёров и актёры, прикидывающиеся лицедеями. Помимо упомянутых категорий было великое множество неразличимых гостей, проводивших в самсоновских покоях почти каждую ночь и сделавших посещение этих помещений важнейшим смыслом своего существования.

Только один раз в году этот катящийся поток непрерывных празднеств переходил на иной уровень, обретал новое дыхание и достигал высшего и, можно сказать, запредельного качества, и это бывало в ночь перед Днём Всех Святых. Нужно также заметить, что алкогольные возлияния не были единственной страстью посетителей самсоновского салона, как это происходило с героями Рабле и Домая, хотя и входили в первую тройку излюбленных ими времяпровождений. На естественно возникающий в этой связи вопрос, что же было квинтэссенцией, собиравшей в конюшни Самсона такое изысканное общество, ответ мог бы быть получен посредством социологического исследования с опорой на статистику, однако социологов среди посетителей самсоновских конюшен не водилось, зато философов, задающих бессмысленные вопросы, было великое множество.

В эту ночь, по легенде совпадавшую с его именинами, владения Самсона наполнялись особенно многочисленной и исключительно требовательной публикой. Трезвых туда не пускали, а если кому и удавалось

просочиться, его мгновенно обнаруживали и приводили в должный вид за счёт штрафных мер и вместительных бокалов. Для представительниц прекрасного пола в этом отношении не делалось никаких исключений, напротив, им наливали до краёв и строго следили за тем, чтобы ни одна драгоценная капля не пролилась мимо. И это всё делалось не из фанатизма и не, тем более, не из-за педантизма собутыльников, а по причине мудрого понимания, что даже одна трезвая голова может обрушить общий взлёт и испортить праздник. Вообще же к девушкам и женщинам в самсоновском заведении относились вполне галантно, всякий раз пробуя продемонстрировать им отдалённые и затенённые углы и мягкие диваны. Многим из них такие экскурсии приходились по нраву.

3

Приближалась ночь перед Днём Всех Святых, и мысль Дерекы и двух его друзей невольно связало предстоящее им судьбоносное действие с лофтом их старого приятеля Самсона и с ожидаемым празднованием его сорокалетия. Иона также обещал прийти и поздравить старину Самсона со вступлением в возраст мужественной мудрости и мудрой невозмутимости. Решили прийти туда вместе, чтобы не растеряться в самсоновском лабиринте.

Несмотря на открытые форточки, дым в комнате, в которой друзья очутились, стоял коромыслом. Гул от криков собеседников, пытавшихся друг друга перекричать, был нечленоразделен и расшифровке не поддавался, за исключением отдельных, особенно громких, выкриков. Лица и фигуры поначалу также было нелегко различить, но чувствовалось, что, как бы ни были все пьяны, благодушные и взаимное расположение собутыльников были неизменны. Быстро нашли и наполнили стаканы, выпили за старину Самсона, и только тогда Дерек обнаружил, что сидит на одном диване рядом с улыбающимся хозяином. Остальные присутствующие, за исключением тех, кто пришли вместе с ним, были ему незнакомы.

Обстановка в комнате — смутные очертания мебели и фигуры гостей в табачном дыме — напомнила Дерекы его сны, в которых осознаёшь,

что это сон и пытаешься проснуться. Он даже замотал головой, чтобы вырваться из патоки захватившего его сновидения. Благо все были так поглощены своими собственными снами, что на его жесты никто не обратил внимания. Вырваться не удалось, но попытки продолжились. Иона кивнул ему, чтобы его поддержать. Шум стоял невообразимый. Грег и Борис куда-то запропастились. Вокруг Дерека одновременно говорило пятнадцать человек. Обсуждалась горячая тема — женщины.

— Вы всегда нас хотите. Вы хотите нас ночью и днём, хотите девочек и старух, хотите, когда вы ещё дети и когда вы уже глубокие старцы. Вы бредите, вы галлюцинируете нами! — брызжа слюной и захлёбываясь, визгливо кричала женщина в трико и мини-юбке, с короткой стрижкой и жилистым измождённым лицом.

Она кричала стоя на столе, и ее ярко-красные лаковые туфли обжигали своими бликами толпящиеся вокруг фужеры и стаканы. Ей возражал тщательно одетый и старательно причёсанный господин, сидящий в глубоком кресле и для подкрепления своей мысли размахивающий сигарой.

— Женщина — это точка безумия нашего мира! Мы знаем, какую опасность она в себе несёт. Её не должно быть в мире мужчин. Её нужно держать под замком и не выпускать на свободу. Её нужно занимать бесконечной мелкой бессмысленной работой двадцать четыре часа в сутки!

Мужчина старался вклинить свои слова в редкие паузы в выкриках дамы, стоящей на столе, так что у них получался хорошо слаженный дуэт тенора и колоратурного сопрано.

— Позвольте, но зачем так демонизировать женщину. Почему не взглянуть на неё как на кладёзь спокойствия и нежности. Вот именно, спокойствия и нежности, — говорил, стремясь перекричать других, рыхлый апоплексичный мужчина, менявший в волнах окружавшего его дыма своё лицо. Сначала оно было вытянутым, потом яйцевидным, потом овальным и, под конец — стало круглым и розовым, как надувной шарик на ниточке.

— К чёрту вашу нежность и ваше спокойствие! Нужно разнести этот мир к чертям собачьим! Уничтожить женщин и мужчин, и особенно их детей — этих выроdkов и недоносков! Только искусство имеет право

быть, а всё остальное нам не нужно! — взорвался желчный сосед слева и начал бить по физиономии любителя нежности и спокойствия.

Было немало и других бурных и меланхолических высказываний, и все они делались возбуждёнными голосами крепко выпивших людей, искренне друг другу симпатизирующих. Пили много, не закусывая. Пьянка вступала в самую силу, азарт достиг своего предела. Дерек ещё раз зафиксировал, что спорившие были просто статистами сна, возникавшими из дыма, что их обличия постоянно менялись: грузная пожилая дама превращалась в плюгавого господина в очках, тот — в свеженькую девицу лет восемнадцати, а та, в свою очередь, — в усатого спортсмена в зелёной футболке...

Из соседних помещений доносились отголоски разговоров, взрывы смеха и крики негодования, кое-где дело принимало серьёзный оборот, откуда-то долетали угрожающие возгласы и стоны, где-то звучала музыка. Неожиданно в мирный спор окружавшей Дерек компании ворвался вопрос появившегося откуда-то тщедушного старичка:

— Господа, не подскажите, где здесь пещерка?

Никто не мог помочь старику в поисках искомой пещерки, и, убедившись в этом, он ушёл в открытую дверь, откуда, чуть не опрокинув его, ворвался растерянный богатырь, чуть ли не двухметрового роста, кричащий на бегу:

— Скажите скорей, где здесь церковь, ведущая к пробуждению?

На этот вопрос тем более никто не знал ответа, и богатырь побежал дальше. Не успел он испариться, как появился плотный лысый мужчина, одетый в борцовскую майку. Он всё время оглядывался и повторял одну и ту же фразу:

— Мне нужен учитель, который учит, как умирать. Мне нужен учитель, который учит, как умирать. Мне нужен учитель...

Никто не знал, где найти такого учителя, и лысый также удалился. На смену ему, тяжело дыша, вбежали двое бегунов, одетые в розовые трусики, и, перебивая друг друга, почти что одновременно прокричали:

— Мы хотим в казармы!

— Где здесь казармы?

После чего они убежали, а в комнате уже готовились к своему номеру новые искатели.

Дерек пошевелился. Он вспомнил об Альфа-пилюле, и в сердце у него появилось пространство, похожее на пустой пузырь. Спор о женщинах и искатели пещерок, церквей, казарм и мистических наставников ему порядком наскучили, и он подумал, что неплохо бы ему посмотреть на то, что происходит в других частях самсоновского лофта.

— Эй ты, заткнись! — злобно крикнул ему сидевший напротив него заgrimированный мужчина с густыми бровями, хотя Дереку казалось, что он ничего не говорил.

4

Дерек начал настойчиво пробираться к одной из дверей, за которой, как ему казалось, слышны были звуки старинного струнного инструмента, мандолины или гитары альгамбры. В дверях он споткнулся о стопку книг и начал их перебирать. Имена авторов ничего ему не говорили: Джонатан Свифт, Эдгар Алан По, Говард Филлипс Лавкрафт, Станислав Лем, Артур Кларк, Роберт Шекли... Беспольные книги создавали нагромождения, и Дерек ногой отодвинул их с прохода и прошёл дальше.

Он вошёл в соседнюю комнату и прикрыл за собой дверь, чтобы спокойно послушать музыку, которая действительно там исполнялась. Музыкант стоял на возвышении и был поглощён своей игрой. Согнувшись, он, не отрываясь, смотрел на свой инструмент, бил по струнам, ласкал его деки, припадал к нему и тут же от него отстранялся. Он ничего и никого вокруг не видел, кроме своей гитары, накручивая пронизывающую, проникающую вглубь сознания тему, сомнамбулически повторял её опять и опять. И присутствующим тоже хотелось отдаться музыке, слиться с ней, стать ею. Только через какое-то время Дерек увидел Грега и Бориса, медитирующих в компании молодых людей с отрешёнными лицами.

Как хорошо, как спокойно! Дерек чувствовал лёгкое опьянение, устоту под сердцем и страх. Присел на длинную скамью вдоль стены. Вспомнил отца, каким он его знал, когда был ребенком. У отца

напрягались брови и верхняя губа, когда он пытался решить трудную задачу. Сейчас Дерек пробовал решить трудную задачу. Он принял решение, но не чувствовал в себе готовности примириться с этим решением — понимал, что пилуля смоеет память об отце и о сорока годах прожитой им жизни. Ужасался и дрожал от этой мысли. Увидел кувшин и стакан, налил, выпил. Крепкий напиток ударил ему в голову. Франсуа Рабле, Джонатан Свифт... эти имена он тоже не будет помнить. Зато страх ушёл из его сердца. Он решительно встал и направился к выходу. Сомнамбулическая музыка продолжала звучать в нём наплывами, а он уже осматривался в новом пространстве, присматривался к новым фигурам и лицам.

Здесь тоже пили что-то крепкое, и вошедшему Дереку предложили порцию. Дымили сигарами и сигариллами. Дерек сделал изрядный глоток, закурил сигарету и прислушался к разговорам. Говорили две группы в двух разных углах. В ближнем углу доминировала женщина с резким простуженным контральто. Обладательница хриплого голоса, скорее всего, была воровкой, проституткой, наркоманкой, уголовницей, бомжихой или какой-нибудь другой обитательницей социального дна. Её голос говорил слушателям о том, как круто с ней обошлась жизнь, и как мало осталось в ней невинности и мягкости. Голос говорит о нас больше, чем то, о чём мы рассуждаем, подумал Дерек и перешел в другую группу беседующих.

Он не успел присесть в предложенное ему кресло и пригубить от налитого ему напитка, как через комнату начали пробегать знакомые и незнакомые ему искатели всевозможных церквей, пещер, казарм и убежищ. На этот раз они пробегали маленькими группами и большими стадами, не останавливаясь и не останавливая своих жалобных выкриков:

— Пещерку! Церковь! Коммуну! Убежище! Конвейер! Казарму! Учителя!

Последний из бегунов зацепился за взгляд Дерека и не умчался с другими, а остановился, переминаясь с ноги на ногу, отдышался, откашлялся и попросил Дерека стать его духовным руководителем и вывести из лабиринта жизни. В ответ Дерек налил ему вина, и тот благодарно

выпил и присел рядом с обретенным спасителем. Он смотрел на Дерек большими доверчивыми глазами, не отводя глаз и не моргая, так что последний, почувствовав себя неловко под этим пристальным взглядом, положил ему руку на голову и повернул эту голову в противоположную сторону. Так тот и остался сидеть, а Дерек смог, наконец, обратиться к беседе, которая текла в этом углу, не прерываясь по пустякам.

Темой оживлённого разговора была незавидная судьба людей, обречённых смерти. Дерек прислушался к разговору, и туда же обратил свою голову его последователь.

— Что есть смерть? Смерть — это пробуждение. С человека снимается всё наносное, всё полученное в течение индивидуальной жизни, и в абсолютной темноте возникает внутренний мир несчастного животного, не способного выразить себя и за себя постоять. Ужас!!!

Это говорил седовласый юноша, глядя перед собой невидящими глазами и гальванизируя себя и безмолвных слушателей надрывным голосом и жалостливыми словами. Его внимательно слушала группа безвольных людей, опустив глаза и погрузившись в описываемое говорящим состояние. Но Дереку эти рассуждения были не по душе.

Дерек заметил, что тщетно ищет возможности отвлечься от мыслей о предстоящем событии, но любой разговор недолго удерживает его внимание, а пустота под сердцем напоминает ему о неотвратимом. С этими мыслями он покинул боящихся смерти и двинулся дальше, теперь уже в сопровождении своего последователя.

В соседней комнате спорили об искусстве. Там Дерек обнаружил Иону и Самсона, занятых азартным поглощением напитков и флиртом с двумя истеричными девицами. Девицы были взвинчены выше всякой меры и требовали от своих компаньонов решительных действий, например, поединка на пистолетах или шпагах. В руке Ионы был пистолет, а у Самсона — шпага, но ни один из них не был готов исполнить прихоть незнакомок. Отбросив в сторону орудия смерти, мужчины обнялись. Девицы тоже последовали их примеру, однако при этом забыли о мере и начали страстно целоваться. Мужчины смотрели на них с изумлением, но быстро потеряли к ним интерес и растворились в сигаретном дыме.

В следующем помещении царили восторг и единодушие. Пили стоя, и после каждого тоста быстро наполняли сосуды и громко сдвигали их в едином порыве. Выпивали и радостно пели и смеялись. Трудно было понять, что всех их так возбуждало. Дерек и его спутник включились в общую атмосферу. Вскоре Дерек увидел в числе выпивающих, поющих и смеющихся Иону, Грега и Бориса. Воодушевление у всех было полным и совершенным. И Дерек понял, что наступает решающая минута. Он обнял своего последователя для того, чтобы почувствовать хоть какую-то опору. Он выпил полный стакан джина и разбил этот стакан о кирпичную стену. Он крикнул что-то отчаянное и невразумительное. Господи, что же это такое! Неужели он сам добровольно решил с собой расстаться?

5

Внезапно комната опустела. Восторженные участники спонтанного празднества куда-то испарились. Исчез и новообращённый последователь Дерек. Остались Иона и трое избранных, сделавших судьбоносный выбор: Дерек, Грег и Борис. Были ли они друзьями? Была ли у них общая судьба? Чего ждал каждый из них от предстоящего шага?

Окна в комнате были открыты настежь. С улицы прилетел ветерок, навеванный липовым цветом. Блюда стояло на столе. На блюде лежали три белые пилюли. В стаканах розовело вино. Оставалось проглотить и запить глотком вина. Получить то, о чём мечтают миллионы романтиков, к чему стремятся тысячи мистиков, аскетов и верующих всех религий: освобождение, пробуждение, спасение! Выйти из мира иллюзий, стать обладателями Истины, войти в Царство Свободы! Высочайшее благо лежало перед ними на блюдечке. Избранники затаили дыхание. Минута наступила.

ГОРОД ЖИВЫХ ОТЦОВ

1

Я получил письмо от далёкого родственника из города Б.

В письме говорилось о том, что, дескать, отца моего видели в городе. Однако отец мой давно умер. Он умер десять лет тому назад, и его никак не могли видеть в городе Б.

И всё же... Я знаю, что они не стали бы попусту мне писать. Кроме того, у меня самого имелись воспоминания о его появлениях после смерти. Он сидел у меня на кухне, пил чай и курил — пепельница была полна окурков. Это было после его смерти и, причём, не один раз. Это случалось почти каждый вечер. Да, так случалось не раз, и я не удивлялся, принимая его появления как должное. Я рад был ему и никогда не спрашивал, откуда он приходит и куда уходит. А потом он перестал приходить.

И вдруг несколько месяцев тому назад, в канун Нового года, я столкнулся с ним в подземном переходе. Там было много причудливых персонажей в карнавальных костюмах, и все ужасно спешили. Надо было пробираться сквозь толпу. И вот мы столкнулись, но людской поток пронёс нас друг мимо друга. Невозможно было остановиться. Мы не успели сказать один другому ни слова. Конечно, я растерялся.

Он выглядел отстранённым, отсутствующим, отдавшимся потоку. Глаза полузакрытые, и лицо осунувшееся, небритое. Мешки под глазами. Одет во что-то тёмное, клетчатый шарф под подбородком. Мы налетели друг на друга и оттолкнулись по инерции, чтобы пройти. Сзади напирали, и я не мог остановиться. Так мы и разошлись.

Что я успел почувствовать в то мгновение? Практически, ничего. Только через минуту я понял, что случилось, и переместился во встречный поток для того, чтобы вернуться и догнать. Меня опять захватило и понесло. Его нигде не было видно. Это произошло в декабре прошлого года.

И вот я отправляюсь в город Б.

Я хочу разобраться, что же там случилось. Вечером я приезжаю в промежуточный город М по пути в Б. В поезде я беседую с сочувствующим полицейским, но он считает, что моя затея бредовая. Умерший человек умер, и не о чем больше говорить. Но я знаю, что он неправ. Всё не так просто, как ему кажется.

Поезда в город Б не идут, добираться до него нужно на автобусе или по реке на катере. Поездка на катере требует дополнительных затрат, а средств у меня мало. Их хватит только на то, чтобы доехать до места. Ну что ж, была не была, поеду на катере. На обратный путь займу денег у родственников.

Мне кажется, что появление отца в городе Б поможет мне понять что-то важное. Так уж получилось, что моя жизнь тесно связана с жизнью моего отца. Об этом я расскажу немного позже, сейчас не время. Прежде всего, мне нужно устроиться на ночь в гостиницу и дожждаться катера, который отбывает завтра утром.

И вот я иду по бульжной мостовой, поёживаясь от сырости, тянущейся от реки. Сумрачно, ветрено. Небо обложено тучами без просветов. Начинается дождь. На улице ни души, не у кого спросить дорогу. Впереди на углу появляется силуэт мужчины, что-то очень знакомое. Боже, да ведь это же он!

Я не успеваю опомниться, как мужчина входит в какую-то дверь. Добежав до угла, где исчез знакомый силуэт, я обнаруживаю стеклянную витрину кафе. Стремительно распахиваю дверь, и что же? В кафе полумрак, но я вижу: он сидит в глубине у стены, лицом ко мне, и смотрит, как я иду к нему. Наконец, я рядом с его столиком — на меня смотрит угрюмое незнакомое лицо с белёсыми глазами. От этого взгляда мне становится не по себе. Я выбегаю на улицу.

Через четверть часа я подхожу к гостинице — четырёхэтажному зданию с рядами одинаковых балконов вдоль фасада. Дождь припустил, и я промок до нитки. Понимая всю нелепость своего поступка, я плачу за номер и тут же, в кассе, на последние деньги покупаю билет в город Б.

В номере раздеваюсь наголо и залезаю под горячий душ. Мне кажется, я никогда не согреюсь, так я продрог. Моя одежда сушится на батарее. Я думал, что после душа я мгновенно усну, так я устал, но, едва голова коснулась подушки, сон бежал от меня.

В памяти опять проигралась сценка в кафе с незнакомцем за столиком. Взгляд его глаз, почти без зрачков, обжёг меня снова, и я подумал, что эта встреча — свидетельство моего перевозбуждения и что нужно взять себя в руки. Я начал равномерно дышать, считая вдохи и выдохи — так я делаю, когда хочу успокоиться. Но глаза незнакомца продолжали царапать мне душу. Всё-таки какое-то сходство было, хотя у отца взгляд иной — ясный, с искоркой юмора.

Убедившись, что мне не заснуть, я включил свет и подошел к окну. Окно смотрело во двор, безлюдный и черный, освещённый светом из окон гостиницы. Дождь перестал, но зато усилился ветер, гулявший в зарослях ольхи и образующий из веток и листвы причудливый хаос. Тонкие ветви ближнего дерева то заносило вверх, и они напоминали взметённые руки с раскрытыми ладонями и длинными пальцами, то сносило в сторону, выламывая и выворачивая их как в пытке.

Взглянув на часы, я увидел, что ещё нет девяти — вечер только начинался. Потом я почувствовал голод, и стал шарить по карманам мокрых брюк в поисках случайно завалявшихся денег, но ничего не нашёл. Вспомнил, что в оплаченный номер входит завтрак, так что нужно только дождаться утра. И я снова лёг в постель, придвинул к себе пепельницу и закурил. Что ещё мне оставалось делать с мокрыми брюками и пустыми карманами? Я курил и холодно анализировал ситуацию.

Когда я родился, отцу было под сорок, и я был его любимцем. Я был избалован и им, и мамой. Позже я стал мечтательным подростком, погружённым в игру воображения, от которой, кажется, до сих пор не избавился окончательно. Я рано ушёл из дому и жил самостоятельной жизнью, отстаивая свой незрелый идеализм от реальности, которая плотно обступала меня со всех сторон. Теперь я понимаю, что оставил родителей без внимания в годы, когда моя помощь была им особенно нужна. Надежды отца на меня не оправдались. И матери тоже. Я жил далеко от них, в другом городе, потом поступил в столичный универси-

тет, изредка навещая их и тяготясь их обществом. Мне было 30, когда отец неожиданно умер. Ему не было ещё 62-х. А потом я много лет жил за границей, и за это время умерла мама.

Конечно же, чувство вины не оставляло меня все эти годы. Проявлялось оно, в частности, в повторяющихся картинках, которые я видел с удивительной регулярностью перед засыпанием. Вот и сейчас я закрыл глаза, пытаюсь заснуть, но заснуть мне, как всегда, не удалось. Тогда я встал, начал ходить по комнате, пробовал читать, смотрел в окно. Устав, снова лёг в постель, и опять появились причудливые персонажи в карнавальных нарядах, и среди них — мой отец, танцующий с дамой вальс. Я долго удерживал это двойственное состояние полусна-полубодрствования, следя за развитием событий. Я заснул только под утро.

3

Наутро я был уже на пристани. Небо было чистое, солнце играло на воде весёлыми искрами, совсем как в детстве. Кстати, одеваясь, в заднем кармане джинсов я обнаружил две смятые сторублёвки, так что я чувствовал себя не таким потеряннным, как вчера. Катер бодро покачивался возле причала, пассажиров было немного, и мы поднялись на катер и усадились на скамьях под навесом.

Волны бились о причал, нас поднимало и опускало, и я видел за бортом то полоску воды, отделявшую нас от причала, то расписанные граффити стены речного вокзала. Передо мной сидели две девочки, и с ними их молодая бабушка в широкополой коричневой шляпе. Девочкам было лет по 10-12, обе хорошенькие, длинноногие, с быстрыми живыми глазами. Особенно привлекательным был лёгкий пушок на их свежих личиках. Они сразу заметили моё внимание и начали кокетничать. Девочки постоянно убегали куда-то, а потом, с разбега, падали на скамью рядом с бабушкой, громко смеясь и вскидывая глазки. На меня они, конечно же, не смотрели. А я не отрывал от них глаз всю дорогу. Зато бабушка сразу заговорила со мной и начала рассказывать мне о своей соседке, которая, ни с того ни с сего, сошла с ума и зарезала своего мужа.

Говоря, бабушка непрерывно улыбалась, и из-за этой улыбки на её верхней губе собирались мелкие сухие морщины.

К полудню солнце стало пригревать, и бабушка натянула на головы девочек одинаковые жёлтые панамки. Девочки продолжали меня занимать, бегая по палубе и кокетничая. Они мне нравились обе вместе, по отдельности они не были интересны. В них обеих была та летучая женская притягательность, которую женщины теряют очень рано. Когда наш катер ударился о края пристани и пассажиры выстроились на сходе, я сошёл вместе с другими на пристань, а девочки с бабушкой поплыли дальше.

4

Передо мной лежал городок Б, который можно было оглядеть одним взглядом — чистенький, предсказуемый, скучный. Я вышел на площадь, покрытую брусчаткой, с памятником поэту, родившемуся в городе Б в 19 веке. Пройдя через площадь, я ступил на одну из его улиц. Увидев одну улицу, можно было понять, что точно такими же будут и остальные: глухие заборы, захламленные подворотни, закрытые ставнями окна. Отыскать типовой пятиэтажный дом, в котором жил мой родственник, не составило труда. Я поднялся и позвонил в дверь, обитую коричневой тканью.

Мне открыл угрюмый мужчина в майке, и я долго стоял и смотрел на него, пытаясь вспомнить, зачем я здесь оказался. Поездка на катере вытеснила из памяти цель моего путешествия. Вдобавок я забыл имя родственника, стоявшего передо мной. Я думаю, мы с ним никогда раньше не встречались. Не зная, как к нему обратиться, я назвал своё имя и сказал, что приехал, получив его письмо. Посторонившись, он впустил меня в квартиру. Дверь со скрипом затворилась за нами.

Мы прошли на кухню и сели за стол. Я сидел лицом к окну и слушал, а мой родственник — его звали Борисом — повторил мне всё то, о чём он писал в своём письме. Отец мой когда-то жил в этом городе, и они с Борисом близко общались и даже вместе жили. И другие в этом городе помнили моего отца. В последнее время они начали замечать, что

отец появляется на улицах, чаще всего в районе пристани. Борису об этом рассказывали, а он не поверил, пока однажды сам не столкнулся с отцом. Поздно вечером Борис возвращался с работы и увидел отца. Однако отец не захотел его признать, отвернулся и ушёл от него быстрым шагом. Борис уверен, что это был мой отец. «Непонятно, где он живёт и чем занимается», — сказал Борис.

Между прочим, Борис сказал мне, что собирается в командировку, и предложил пожить в его квартире, пока он будет отсутствовать. Потом он начал выяснять степень нашего родства. Слушая Бориса, я начал дремать. Его рассказы не могли вытеснить свежие впечатления дня, проведённого на реке под открытым небом.

Я видел себя на катере, где две девочки в жёлтых панамках бегали по палубе и громко смеялись. И вдруг смеющиеся девочки растворились, и я увидел бледное лицо отца, появившееся в окне за спиной Бориса. Я мгновенно очнулся, но лица в окне больше не было видно. Я подумал: какой это этаж, третий, четвертый? Был ли это отец, видел ли я вообще кого-либо? Может быть, мне показалось. Да, скорее всего, это всё мне привиделось.

5

Мне нужно было на что-то решиться: остаться в городе Б или, заняв у Бориса денег, сразу же уехать домой, благо катер возвращался в М через несколько часов. Очень хотелось сразу уехать и забыть всю эту историю. Вычеркнуть её из души.

И всё же я не уехал. Я остался в городе Б, поселился у Бориса и стал ждать встречи. Странная это была жизнь. Бориса я с той первой встречи больше никогда не видел. Видимо, он уехал в командировку. Я спал целыми днями и только вечером выходил на охоту. Вечером улицы и дома обретали что-то загадочное, призрачное. Фонари на улицах горели исправно, и даже ярко, но этот свет лишь подчёркивал мертвенность и безлюдье города. На улицах действительно не было никого, и хотя была ранняя осень, окна были закрыты, и свет горел только в редких окнах, занавешенных плотными шторами. Кое-где была слышна приглушённая

музыка, тяжёлая и неторопливая, какую когда-то сочиняли придворные композиторы для торжественных церемоний и обедов.

Город походил на кладбище. Ничего не согревало глаз, не радовало сердце. Заборы, стены, забитые хламом подворотни, глухие занавешенные окна. Редкие тени прохожих. Всё мертво, чуждо. Я спрашивал: как жить? как вынести пустоту? почему отец выбрал этот город? почему этот город держит меня?

Представьте себе, что я чувствовал, гуляя по этим улицам в абсолютном одиночестве, в ожидании встречи, которой я больше всего боялся. Всё во мне напрягалось от страха, и когда однажды на меня налетела визжащая собака, от неожиданности я упал и больно ударился коленом о камень. Собака куда-то исчезла, а моё сердце бешено стучало.

В другой раз из подворотни вышла старая женщина в надвинутом на лицо платке и, подойдя ко мне, протянула ладонь, как будто прося подавание. Я протянул ей сторублевую купюру, но старуха отвернулась и скрылась в подворотне, откуда появилась. Ей не нужны были деньги, видно, она хотела от меня чего-то другого. Я так и не увидел её лица.

В квартиру Бориса я возвращался под утро, когда туман с реки заползал в прибрежные улицы. Ёжась от холода, я поднимался по крутой лестнице к двери, обитой коричневой материей и толкал её. Она нехотя раскрывалась, впуская меня, а потом медленно закрывалась на скрипящей пружине, а я шёл на кухню и кипятил воду для чая. Я пил чай с сухарями и думал о том, как, когда я был маленьким, мы с отцом ездили по весёлым городам. Я помогал ему делать его работу, то есть ходил с ним по разным учреждениям и терпеливо ждал, пока он встречался и разговаривал с занятыми мужчинами и женщинами, а потом мы с отцом шли в кино или цирк, и отец покупал мне множество игрушек. Я получал в подарок тряпичного зайца или гимнаста, прыгавшего на веревочке, или деревянных медведей, бивших деревянными молотами по наковальне — такие игрушки дарили в те годы, — и я был счастлив, а сейчас мне уже за сорок — столько, сколько тогда было отцу. Мой отец умер, но не совсем — он всё ещё жил во мне, сидел на моей кухне, занятый своей таинственной жизнью.

Снова я вспомнил девочек, с которыми плыл на катере. Почему-то я постоянно думал об отце и об этих девочках. Что между ними общего? Я видел, как девочки вскакивают и убегают, а их опустевшее место на скамейке занимает мой отец. Он усаживается рядом с их бабушкой и смотрит ей в лицо, но она его не видит и продолжает рассказывать мне о сумасшедшей соседке, зарезавшей мужа. Потом девочки прибегают и с визгом плюхаются на скамейку, но отца на ней не оказывается. И снова они убегают, и опять появляется отец и садится на опустевшее место. Так повторяется несколько раз, но тут я начинаю замечать, что, сидя за столом, засыпаю. Я ложусь на диван и действительно засыпаю.

А вечером я опять отправлялся в город. Я чувствовал себя охотником и упорно выслеживал добычу, хотя понимал, что от меня ничего не зависит. Захочет ли отец со мной встречаться? Будет ли он со мной разговаривать? Что я скажу ему? О чём буду спрашивать? Я не знал ответов на эти вопросы. Я просто шёл по улицам, стараясь держаться поближе к пристани. Устав, я сел на деревянную скамью и смотрел на воду, плескавшуюся внизу, или на площадь с памятником поэту. Постепенно темнело, и в городе загорались фонари. Мелькали редкие фигурки прохожих. Я не искал отца — я ждал.

Как-то я набрёл на пустой рынок под открытым небом. Шёл дождь. Я брёл между прилавков, переступая через лужи и кучи мусора. Под прилавками лежали бездомные, закутанные в балахоны. Некоторые прятались от дождя под картонными коробками, но холодные струи настигали их сверху и снизу. Мой отец может оказаться здесь, среди этих людей, подумалось мне. И ещё я подумал: пусть он будет калекой и бездомным, но живым. Но он не мог быть живым, я похоронил его десять лет назад. Да, но я видел в окне его живое лицо. Мои мысли смешались. Остановившись, я прислонился к столбу и закрыл глаза.

— Вам нехорошо? — спросил меня чей-то участливый голос.

Передо мной стоял невысокий коротко стриженный человек и смотрел на меня участливыми глазами. На нем был серый бывалый пиджак и светлые шорты. Голову его прикрывала выдавшая виды шляпа, с которой ручьём стекала вода. Человек этот был готов оказать мне помощь, и я поблагодарил его и, в свою очередь, спросил, не могу ли я ему помочь.

Не отвечая на мой вопрос, он взял меня под руку и повел к одинокому строению в стороне от прилавков. Дверь была полуоткрыта, за дверью было темно.

Он вошёл, и я вошёл следом за ним.

6

Мне открылась живописная картинка: в полутьме за столом сидела группа людей и негромко разговаривала. Блики огонька стоявшей на столе свечи освещали их возбуждённые лица. При моём появлении разговор остановился, и лица обратились ко мне. Их было четверо, и одна из них — молодая женщина.

— Кто это, Марк? — тревожно спросила она моего провожатого.

Но Марк не спешил отвечать. Сначала он подвёл меня к кругу и указал мне, куда я могу присесть. Потом знаком показал одному из сидевших в круге, человеку с большими испуганными глазами, что мне нужно дать кружку чая. Я благодарно отпил глоток и почувствовал разливающееся по телу тепло от горячего напитка, изрядно сдобренного ромом. Между тем Марк отвёл в сторону женщину и человека, угостившего меня чаем, и о чём-то с ними поговорил. Потом подвёл их ко мне и представил:

— Это Анна, а это Игорь. Мы в этом сарае встречаемся по ночам, а днем растворяемся в городе.

Не знаю, чем я внушил доверие Марку, но Анна и Игорь смотрели на меня теперь с меньшей тревогой.

— Ждёшь? — спросил меня Игорь.

— Жду, — ответил я. — И вы тоже ждёте?

Странную легкость и доверие испытал я вдруг к этим людям. Удивительно, как между людьми возникает доверие. Мы понимали друг друга, ещё ничего друг о друге не зная. Я понимал, что это сделал Марк, но как он это сделал? Игорь улыбнулся — улыбка делала его похожим на ребенка. Лицо женщины также показалось мне уже не таким напряжённым.

— Мой отец умер год назад, а отец Анны разбился в автомобиле. Нам сказали, что они здесь, и мы приехали их искать, — сказал мне Игорь.

— Я не верю, что моего отца больше нет. Он всегда рядом мной, но я его не вижу, — подтвердила Анна.

— Мне написали, что видели здесь моего отца, — я удивлялся, как легко мне было это говорить. — И я сам его тоже видел в окне третьего этажа. И всё же я не могу понять, каким образом жизнь и смерть могут соединиться в одном человеке?

— Эти несводимости составляют нашу главную тайну, — услышал я за спиной слабый голос. Обернувшись, я увидел говорившего эти слова молодого человека с расставленными ушами. Он говорил как будто бы сам с собой, но каждое его слово ложилось мне на душу так, как будто он возвращал мне мои собственные мысли.

— Что мы знаем о жизни и смерти? Что мы знаем о мире, что мы знаем о человеке? — говорил этот человек. — Кто сказал, что жить хорошо, а умирать плохо? Кто знает, что такое прошлое и будущее? Кто осмелится утверждать, что прошлое позади, а будущее впереди? Может быть, всё наоборот. И, скорее всего, всё наоборот.

Пока он говорил, его сосед, человек с детской фигуркой и чёрными, как угли, глазами, с трудом себя сдерживая, несколько раз порывался его перебить и, наконец, найдя первую возможность, заговорил:

— Ты забыл, друг Валерий, о жгучей тайне жизни после смерти, — говорящий заикался от волнения. — Мы собрались здесь, чтоб её разгадать, и мы уже близки к пониманию. Я знаю, что ключ к тайне моей жизни — в крови и сперме моего отца.

— Нет, друг Виталий, я этого не забывал... Потому я говорю: в каждом человеке живёт его отец. Мы проживаем жизнь всего человечества, всех, кто жил до нас, и тех, кто придет после нас. Мы идём по своим собственным следам. Мой отец не умер, и я тоже не могу умереть. Умирает то, что уже мертво: ум, привычки, стереотипы и наше тело. Но есть основа, которая остаётся, когда всё это исчезает. Её можно открыть, если найти в себе отца, и через него — его отца, и дальше, дальше. Это не пустая абстракция, это живая нить, за которую можно ухватиться.

А потом говорили Анна, и Игорь, и я, и снова Валерий, и Виталий. Только Марк не вмешивался в разговор. Он был хозяином и угощал нас чаем.

Мы расстались перед рассветом. Я возвращался домой, или в место, ставшее с некоторых пор для меня домом. Дождь закончился. Я шёл в сизых сумерках по мокрым зябким улицам города, который больше не был для меня пустыней и кладбищем. Я чувствовал себя уверенней — я был не один, у меня были друзья. У меня появилась нить надежды.

Подходя к дому Бориса, я почувствовал, что в квартире кто-то есть. «Может быть, Борис вернулся из командировки», — подумал я. Однако свет в окне не горел. С бьющимся сердцем я поднялся на свой этаж.

Предчувствие меня не обмануло. За столом, в тусклом свете уличного фонаря, в облаке сигаретного дыма, сидел человек и курил. Сидел, отвернувшись к окну, так что его лица почти не было видно. Сигаретами на кухне также не пахло.

Человек этот был, но его и не было. Это ощущение отсутствия сидящей передо мной фигуры было первым, что я почувствовал. Я понял две вещи: нельзя включать свет, и к нему нельзя подходить. Нужно было вести себя осторожно и в то же время буднично — в противном случае он исчезнет.

Это было знакомое мне двойственное состояние присутствия и одновременно отсутствия. Нужно было держать его на краю зрения. Эта позиция давала эффект какой-то странной взаимности и общения в нейтральной зоне. Впрочем, общения пока ещё не было, просто он был рядом со мной, в моём обычном пространстве, и от меня требовалось сделать шаг в его сторону. Это нужно было сделать именно мне, потому что он уже сделал шаг навстречу, появившись на кухне.

Я не знал, как это сделать.

Я стоял с другой стороны стола и смотрел в окно, держа его на краю зрения. Наши взгляды пересеклись за окном, и в воображаемой точке пересечения наших взглядов я увидел... нет, я ничего не видел глазами... кажется, глаза мои были закрыты... опять возникло состояние двойного существования... не бодрствования и не сна... это было третье состояние присутствия в знакомом мне месте... я в нём уже был... яркий день под открытым небом... две девочки, палуба и их молодящаяся бабушка... де-

вочки с криками убегают, а он занимает их место на скамейке на палубе... бабушка его не видит, а я вижу... не могу отвести взгляда... девочки возвращаются и садятся на своё место рядом с бабушкой... но он тоже сидит на этом месте... две картинки соединяются в одну... эти несводимость и составляют главную тайну... два мира — это один мир... жизнь и смерть, а за ними — третье... там возможна настоящая встреча...

Я очнулся — его на кухне не было.

8

Резкий холодный ветер. Небо обложено тяжёлыми рваными облаками, ползущими навстречу и наискосок. Я возвращаюсь на знакомом мне катере. На палубе никого, там гуляет ледяной ветер. В кабине под палубой — два десятка пассажиров. Пассажиры угрюмые, замкнутые, озабоченные.

Я сижу за буфетным столиком, перед остывшим чаем, и смотрю на пенящуюся за иллюминатором воду, на ползущие по небу тяжёлые облака. После события, которое случилось на кухне у Бориса, оставаться в городе Б не имело никакого смысла. Всё стало ясно: настоящая встреча не зависит от того, где я нахожусь. Она может произойти в любом месте: в городе Б, или в городе М, или дома, независимо от того, пасмурно, дождливо или вёдро. Это может случиться на улице, или на катере, или на базаре. И это — не встреча с отцом, или с собой, или с жизнью, или со смертью. Это встреча — с третьим, которое всё объёмлет и не имеет названия, или имеет их миллион. Я чувствую, что опять погружаюсь в свойственное мне состояние полубодрствования и полусна.

Тут к моему столику подходит мужчина, в модном приталенном плаще, с бутылкой коньяка и двумя — один в другом — бумажными стаканами. Уверенный голос, широкие манеры, знакомое лицо. Впрочем, нет, не знакомое, а какое-то ожидающе новое. Широкий лоб, ироничный взгляд, большой вздёрнутый нос и твёрдые губы. Таким и должно быть лицо ненавязчивого попутчика, угощающего первого встречного.

— Позвольте приземлиться за вашим столиком и предложить вам разделить со мной радость двух находок. Представьте себе, на этой

ржавой посудине оказался приличный коньяк и — мало того! — итальянская машина для настоящего эспрессо. Эти два чуда неизбежно должны произвести третье: хорошую компанию и приятный разговор. Вы не возражаете?

Откуда я всё-таки знаю этого человека? Где я видел это лицо? Или в нём повторились сохранённые памятью формы множества лиц каждый раз добавляющие свежую деталь, например, большой вздёрнутый нос, как в этом случае? Между тем он уже уселся напротив меня и разлил коньяк по стаканам, а юркий буфетчик, с аккуратно подкрученными усами, принёс и поставил перед нами две чашечки дымящегося кофе. Я подумал: по законам жанра далее последует церемония знакомства и длинный монолог — и ошибся лишь относительно второго. Впрочем, неприязни к своему визави и особого отторжения я не чувствовал, а коньяк и кофе, при моих стесненных обстоятельствах и подавленности из-за бессонницы, были очень даже уместны.

— А теперь, раз уж так распорядился его величество случай, давайте познакомимся и выпьем за наше знакомство. Поэт, артист и коммивояжёр Анатолий Прохоров, — с провинциальной торжественностью представился мой попутчик и с улыбкой добавил, — в дальнейшем я расшифрую каждую из этих позиций. А вас, простите...?

Я назвал.

— I'm pleased to make your acquaintance, — как говорят в таких случаях наши духовные антиподы. Позвольте задать вам парочку вопросов, — мой попутчик быстро входил в роль и явно наслаждался ею, — какие нужда, забота или причуда привели вас на это богом забытое судно, покорное волнам, ветрам и мотору? Куда держите путь и откуда? И последний вопрос: удачным ли было предприятие, ради которого вы предприняли громоздкое путешествие?

Что мог я ответить на эти вопросы, кроме правды? Я выложил ему правду, но не всю. Из моего ответа получилось, что я ездил в город Б на встречу с отцом, и что теперь возвращаюсь домой с чувством исполненного долга перед моей совестью. Деталей я не выдавал, и вышло вполне правдоподобно.

— Что ж, совесть — наш строжайший судья и последний арбитр в подобных делах, — задумчиво проговорил Анатолий. Помолчав, он продолжил свои вопросы:

— А скажите на милость, не случилось ли с вами в эту поездку нечто экстраординарное, что привело вас к важнейшему открытию, которое кардинально изменило все ваши устремления, успокоило прежние тревоги и открыло новую, прежде нечаемую, картину?

На этот вопрос я ответил утвердительно, однако сказал, что едва ли способен ясно сформулировать своё новое понимание из-за трудности самого предмета, отсутствия у меня опыта философских обобщений и краткости времени, прошедшего с момента моего открытия. И всё же я намекнул, что моё открытие касается жизни, смерти и того, что стоит за ними.

Анатолий не спешил комментировать услышанное от меня и рассказывать о себе, и продолжал задавать вопросы. Впрочем, он всё же успел заметить, что он поэт по призванию, артист в жизни и комми, путешествующий и продающий встречным-поперечным свои таланты, по нужде.

Бутылка коньяка постепенно пустела, усатый буфетчик трижды сменил нам чашечки с эспрессо, а я начинал чувствовать лёгкий отрыв от своего тяжелеющего тела в результате воздействия на него размягчающего тепла коньяка и внимания собеседника к моей скромной особе.

Видя, что Анатолий готов без конца задавать свои вопросы, я решил перехватить инициативу и спросил, есть ли у него дети.

— Я — отец десятилетнего существа, мальчугана, застрявшего между фантазиями и реальностью, — с напускным сокрушением ответил он.

Не удовлетворившись, я спросил его, жив ли его отец, на что он сказал:

— Мой отец был моряком и утонул в той самой реке, по которой мы с вами сейчас плывем. Он уже давно лежит на дне, в зелёных водорослях и тине, обглоданный местными рыбами, крабами и улитками.

На мгновенье я увидел большое раздутое тело, опутанное водорослями, медленно опускающееся на дно реки. Однако мой попут-

чик не позволил мне погрузиться в мои видения и предложил тост за бескомпромиссные души, устремлённые к идеалам.

Нужно сказать, что в продолжение нашего коньячного общения облик моего компаньона несколько раз незаметно менялся, и сумма всех этих мелких изменений создавала картину, отличную от моего первого впечатления. Теперь он был скорее похож... на меня или... на моего отца, каким я его помнил ребенком, а также по фотографиям, оставшимся от того времени. Но, конечно, речь могла идти лишь о некотором внешнем сходстве — и только. Мой попутчик был в высшей степени экстравагантным персонажем — умным и уверенным в себе собеседником. Он плотно сидел на своём стуле, своевременно разливал по стаканам и пил коньяк, взглядом подзывал буфетчика и давал ему указания, одновременно направляя наш разговор по ему одному известному руслу.

9

О, читатель, добравшийся до этой страницы моего повествования! О, мудрейший, о дальновидный! Знаешь ли ты, по какому руслу ведёт тебя мой рассказ? Ищешь ли ты мудрости или пустого развлечения? Читаешь ли ты слова или находишь что-то между слов? Ты всегда прав, потому что кто может тебе возразить?! С тобой не могут поспорить Гомер и Гесиод, Данте и Петрарка, Рене Бретон и Филипп Огюст Матиас Вилье де Лиль-Адан. И я не стану спорить с тобой. Мы можем здесь разойтись, и каждый пойдет своим путём. Отныне ты будешь следовать за другими. За теми, кто громко и уверенно провозглашает общие места. За теми, кто издаёт каждый год по роману. По три романа. По восемь романов! Кто открывает тебе самые последние доктрины и ведет тебя истинным путём. Четвёртым, пятым, шестым и даже седьмым путём. Я же ничего не могу тебе обещать. Расстанемся, многоуважаемый читатель!

Как, ты решил со мной остаться? Ну, тогда дай мне руку. Моя немного дрожит, потому что я начинаю понимать, что произошло. Я прошёл через смерть и не умер. Иначе как бы я всё это записал?

Допив коньяк, на нетвёрдых ногах и слегка поддерживая друг друга, мы вышли на палубу и подошли к леерному ограждению вдоль борта. На мне был свитер, на Анатолии — тонкий плащик, ни тот, ни другой не могли защитить от шквального ветра. Трудно было устоять на ногах. Холод пронизывал нас до костей. Внизу, под нами, зияла водная бездна.

— Ну что ж — прыгай! — скомандовал Анатолий Прохоров. Я с недоумением посмотрел на него.

— Выбирай: жизнь, смерть или третье.

Анатолий кричал, чтобы я мог его слышать.

— Кто ты? — закричал я срывающимся фальцетом.

— Я — третье! — ответил он и, обняв меня, бросился со мной за борт.

ОРАКУЛ

Человек сидит у расщелины и ждёт. Проходит день, месяц, год. Солнце нещадно палит, но ему негде укрыться. Налетает шквал, а вместе с ним страшный ливень — ему некуда спрятаться. Он боится оторвать взгляд от расщелины. В ней все его надежды, весь смысл его существования.

Расщелина в нём самом. Оттуда щедро приходят драгоценные прозрения. Приходят не ко всем — только к очень немногим. От человека ничего не зависит. Он не может их вымолить, выманить, выкурить. Но он может их получить и оформить.

Оракулов мало. От силы их может быть два или три. Остальные люди ждать не могут. Они должны жить в соответствии с уже полученными откровениями. Живут ли они в соответствии с ними или нет — это их собственная забота.

У людей много забот. Нужно накормить тело и душу. Нужно позаботиться о ближних. Нужно занять место среди других. Нужно дру-

жить со стихиями. И, наконец, нужно сказать твердое «да» или «нет» в ответ на вызовы судьбы. В старых откровениях нет готовых ответов. Жизнь полна сомнений, которые преодолеть невозможно. Нужен уникальный ответ.

С того дня, когда у мальчика Эрнеста прорезались первые стихи, прошло 40 лет. Позже он начал замечать, что стихи то идут, то не идут. А когда они идут, то — широким потоком или узенькой струйкой. Раньше поток был мощным, выходили уверенные формы, и их шлифовка не требовала усилий. Позже плодоносные полосы сменялись бесплодными, и — обратно. Когда стихи не шли, Эрнест тосковал, пил, ругался с друзьями. А потом снова на него находило, и он забывал всё на свете.

Высокий, немного сутулый, с нескладной фигурой брюнет. Польско-иудейская родословная. Нью-эйджевские настроения и идеи, со временем слегка потускневшие. Никаких восторгов перед науками, философиями, здравым смыслом и жизненным опытом. Нервический блеск в глазах, выдающий напряженную жизнь души, пульсирующую мысль и страх не состояться, остаться за бортом жизни.

Впервые он подумал о жертве, когда однажды жёт за городом костёр. Он понял, для чего жрецы жгли костры и пили сому. Он понял смысл человеческих и животных жертвоприношений, и особенно смысл бескровной жертвы. Поправляя хворост в костре, Эрнест спрашивал себя, что бы он мог попросить у могущественных богов, если бы заслужил их внимание. Его не удручал «закат Европы», и он не сочувствовал ордам, захлёстывающим Запад. Его вообще мало интересовали социальные передраги. Но ему мучительно хотелось увидеть весну человечества, обнадёженность и причастность к поднимающейся струе смысла... Ну хорошо, может быть, не пережить самому, хотя бы знать, что ты её спровоцировал, подтолкнул...

Конечно же, от него мало что зависело. В личной жизни он, разумеется, делал всё возможное. Нашёл службу, женился, потом развёлся и снова женился. Друзья собирались и обсуждали, как быть поэтами, когда нельзя быть поэтами. Встречался с тремя друзьями — не больше. Написанные стихи выверял на друге Кирилле. Тот слушал, не отрываясь от холста — писал огромные световые круги, похожие на шаровые

молнии. Готов был убить за неверное слово, фальшивую интонацию. Кирилл швырял в приятеля молнии, гнал назад к расщелине, требовал преодолеть себя, взлететь над собою. И тот бежал и, прибегая, орошал расщелину слезами, и строил перед ней алтарь, и выплясывал перед алтарём отчаянные танцы. И рождались строки, ниспадали каденции, канон перемежался антифоном, ритм взвивался и замирал. Кроме стихов, он любил цветы: ирисы, пионы, каллы, орхидеи...

А между тем на дворе царили вечные сумерки, кружил снег, ветер приносил вирусные миазмы, а с ними — тоску и безнадёжность. Социум становился всё агрессивнее. А жена предостерегала: будь внимателен, будь настороже. И он был осторожен, насколько умел. Однако тучи вокруг становились темнее. А главное: стихи перестали идти, расщелина зарастала, и ни одного звука не доносилось из неё, сколько он ни ждал, ни молил.

Эрнест устроил из своей жизни монастырь и создал для себя жесткий устав. Утром — на службу, вечером — домой. На службе вёл бои с рассеянием мыслей и воображением. Срывался, каялся, плакал. Стихи не шли, а всё, что он записывал ночью и днём, всё выбрасывалось и рвалось им с желчным отчаянием. Эрнест погружался в цинический скепсис. Он снова пил, ссорился, нарывался на скандалы. Он долго не верил, что стихотворная благость иссякла, и помощи больше не будет. Что он навсегда остался один перед молчащей расселиной.

Однажды Эрнест проснулся посреди ночи, как от толчка. Прошлое нахлынуло на него с надеждами и страхами, и вместе вернулись терзания и обращённые на себя упрёки. Он жил безобразно, бессмысленно, он заточил себя в тюрьму, он пропустил, прощаяпил свою жизнь, он не сумел ничего стоящего сделать. Как за спасительную соломинку хватался он за свои стихи, но соломинка тонула вместе с грузом горечи и недовольства. Нет, он не поэт, у него нет сильного уверенного голоса, только задушенный шёпот загнанного зверька. В результате у него не было ни жизни, ни стихов. В отчаянии он обращался к своему детству, пытаясь отыскать в зыбких воспоминаниях живые мгновения, подлинные переживания, пусть даже горе или отчаяние, но нет, и в детстве он не находил ничего, что бы утешило его и оправдало. Его неудержимо

несло в потоке дурного времени, губящего всё на своем пути. И впервые он увидел себя частью чего-то большого, что жило и пульсировало в нём все эти годы.

Что может остановить поток одичавшей реальности? Что-то, что потрясёт людей, выведет их из летаргии и покорности, но не для новой кровавой феерии, а для холодной оглядки на себя и на неумолимость приближающейся катастрофы. И чем больше он об этом думал, тем яснее понимал, что только уникальная жертва способна обуздать взбесившуюся реальность. Жертва, подобная жертве Иисуса, которая легла под ноги двухтысячелетней истории Запада, преобразила мир римских аристократов и рабов в цивилизацию рыцарей, крестьян и просвещённых монахов.

Он вспомнил о жертве Будды, который в одном из прежних пере-рождений отдал своё тело на съедение голодной тигрице, спасая её от пожирания собственных детёнышей, и о другой жертве Будды, когда, будучи рождённым в форме слона, он бросился со скалы, чтобы накормить своим телом семьсот измученных путников.

Эрнест знал: жертва — это та же плата по принципу: отдаю, чтобы получить. По замыслу жертвователя получателем плодов может быть не только он сам, но и кто-нибудь другой или что-нибудь другое: человек, город, страна, человечество, любое живое существо, реальный или воображаемый объект. Человек жертвует одним ради другого. Жертвуют во имя будущего. Жертвуют ради любви — богатством, талантом, здоровьем, жизнью. Жертвуют ради душевного подъёма, взлёта, экстаза, вдохновения. Кладовая жертвы неисчерпаема и открыта для всех. Но и здесь существует конкуренция, соперничество, зависть. Каин позавидовал Авелю за то, что жертва последнего была принята, а его жертва отвергнута.

Да, жертва может быть бесполезной, бессмысленной, нелепой. Как не выстрелившее ружьё, не взошедший посев, не рождённый ребёнок. Жертва должна выстрелить, прорасти, дать плод. По крайней мере, она должна быть завораживающей, яркой, красивой.

Жертва может быть никем не замечена или замечена немногими. Жертва Иисуса была бы никому не известной, если бы не его ученики,

разнёсшие благую весть *inibi et orbis*. Нужна жертва, которая сумеет выскользнуть из сетей, созданных для того, чтобы ни один комар не проник в контролируемые смысловые заповедники. Только такая жертва сможет остановить состав, несущийся под откос.

Эрнест подошёл к окну. До рассвета было ещё далеко. В свете отражённых огней он увидел дорогу и контуры сараев. Потом, шелестя проехала машина, фарами нащупывая дорогу, стены и заборы, и снова стало тихо. Он почувствовал значимость этой минуты, завершённую увиденной им картины, в которой всё было нереально: его сутулая фигура в белой рубахе, и едва различимые предметы, и мертвая тишина за окном.

Он понял, что жертва для него уже не является жертвой, а обычным шагом. Он мог бы без колебаний сделать этот шаг прямо сейчас, и через час, и через десять лет. Не нужно ничего объяснять. Хрупок мир, и хрупко и неуловимо понимание. Чёткость мысли приводит лишь к ещё большему непониманию, к логическим тупикам, к ненадёжности силлогизмов.

В одно мгновение перед ним мелькнули десятки случаев, когда философы бросались в жерло вулкана, поэты взрезали себе вены, лунатики прыгали с высоты, уверенные, что полетят, врачи принимали смертельные снадобья, испытывая их действие на себе, лётчики направляли самолёт на сверкающие скалы, а монахи давали обет любви и безбрачия. Все они были уверены в том, что их жертва откроет им истину или поможет её постичь другим. Он помнил о воинах, опустошавших провинции, стиравших с земли города, убивавших тысячи пленников, о газовых камерах, в которых в жертву приносились целые народы — всё ради справедливости, ради установления нового космического баланса. Но Эрнест знал, что в нём нет ни жажды самоуничтожения, ни садизма и мстительности, что им руководят совсем другие мотивы.

Сбросив оцепенение, Эрнест отошел от окна. Неторопливо оделся и направился к выходу. В дверях помедлил, вернулся и осторожно вошёл в комнату жены. Жена спала, зарывшись в подушку и сладко посапывая. Эрнест улыбнулся и вышел, неслышно затворив за собой квартирную дверь.

Через минуту он уже отпирал дверь сарая во дворе под своими окнами. Выкатил из сарая тележку с установленным на ней сигарообразным объектом выше человеческого роста. Поставил его на подпоры и откатил тележку. Теперь стало видно, что это небольшая ракета с металлическим корпусом и едва заметной боковой дверью. Нажал невидимый рычажок — и дверца открылась. Внутри было место для одного стоящего человека. Не оглядываясь, вошёл и закрыл за собой дверцу.

На несколько минут двор опять погрузился в неподвижность. Потом под ракетой сверкнула искра и загорелось упорное пламя. Пламя вылетало из-под неё с нарастающим свистом, ослепительный столп бешеного огня ослепил окружающие постройки. Свист перешёл в пульсирующий оглушительный рёв, рёв — в грохот, и ракета начала подниматься над землёй, сначала неуверенно, но потом — всё быстрее и ярче. Из-под неё вылетала мощная струя огня и дыма, отрывая её от земли, заборов, крыш, стен и домов испуганного города, от окон, к которым прильнули расплюснутые физиономии разбуженных обывателей, от этого погружённого в ночь мира безнадёжности и страха.

На головокружительной высоте, куда ракета поднялась, превратившись в почти невидимую точку, раздался приглушённый хлопок, и из неё в разные стороны полетели огромные серебряные хвостатые кометы, красно-синие пионы с золотыми хвостами, золотые орхидеи с пурпуром, фиолетовые ирисы с золотой искрой, золотая пальма, красная хризантема, синяя рассыпающаяся хлопущка с красным и зелёным фосфором, серебристые спиральные бокалы красных и зелёных калл, багровые мирабели, золотые обширные хризантемы, серебряная ива, жёлтые гелениумы в пурпурной дымке. Всё это с треском взрывалось, разлеталось, переливалось, щёлкало, а потом рассыпалось и с шипением гасло перед немногими случайными зрителями многомиллионного города, томившимися от большой совести и бессильных мыслей.

Фейерверк продолжался недолго, но запомнился как курьёзное ночное происшествие, отмеченное короткой заметкой в вечерней газете.

ФОТОГРАФ

Наш мир создан ради человека — так учат нас высокие доктрины Востока. Конечно, они говорят не о жалком существе, трусливо несущем свою ничтожную персону или выполняющем вложенные в него слепые программы, а о пробуждённом, спокойном и бесстрашном. Но где вы видели пробуждённого, спокойного и бесстрашного человека в беспощадном мире, сокрушающем всех и каждого, в котором мы живём?

Однажды мне довелось встретиться с таким человеком при самых жёстких обстоятельствах, которые можно вообразить. Его самообладание и бесстрашие стали для меня оправданием многих людей и укором моей собственной нерешительности и вялости.

Торопясь на деловую встречу, я забыл дома кошелёк, беспечно доехал до нужной станции метро, благо проездной я всегда хранил в отдельном кармане, и только выйдя из метро, вспомнил о забытом кошельке. В другой раз я мог бы получить небольшую сумму в ближайшем банкомате, но кредитные карточки также лежали в моём кошельке. Ложная гордость не позволяла мне прийти на встречу без денег. Пропустить встречу я тоже не мог — человек был связующим звеном в моих далеко идущих проектах.

Стояло яркое летнее утро. Дрожащие солнечные пятна, рассыпанные по столикам с сидящими за ними людьми, лепили яркую мозаику, как будто созданную кистью Сера. Легкий утренний ветерок мешал в знакомом букете едкий запах выхлопных газов, свежесть листьев и терпкость пыли.

Двигаясь в нужном направлении, со смутной надеждой на чудесное спасение, я увидел за столиком фигуру человека в сандалиях на босу ногу и в пёстром богемном балахоне. Большой мясистый нос висел над маленькими губами и мягким подбородком, высокий лоб венчался густым гнездом белесоватых волос. Не было ничего искусственного ни в лице, ни в одежде этого человека. Он был весь натуральный, сочный, живой и располагающий к себе своей телесностью и теплом. Столик его стоял с краю, в нескольких шагах от других, раскиданных на тротуаре под каштанами. Перед ним лежала папка с фотографиями, выдающая характер

его занятий — это был фотограф, предлагающий свои работы владельцам кафе, ресторанов и прочих публичных заведений.

Подсев за его столик, дрожащим от неуверенности голосом, я изложил ему свою банальную просьбу, пообещав вернуть небольшую сумму, если он мне её доверит, в любой день и час по его выбору. Ни секунды не колеблясь, большеносый человек улыбнулся и положил передо мной запрошенную сумму. Обсуждать условия возврата он не стал. Просто сказал:

— Рад помочь, — и поднял на меня глаза, которые я не мог разглядеть раньше.

У него был мягкий, располагающий взгляд. Так мог бы смотреть родственник, двоюродный брат или муж сестры, если бы у меня была сестра. Это был обычный взгляд человека, готового отозваться на любое предложение или просьбу. Однако моё смущение, когда я попросил у него деньги, слегка приоткрыло возможности другого уровня общения.

В моей смущённости была глубокая зависимость от обстоятельств, в которые я себя поставил, а также сознание этой зависимости, как чего-то недостойного. Между нами возникло мгновенное понимание того, что я не имею права относиться к жизни слишком серьёзно. Бизнес, флирт, симпатия, соперничество, конкуренция, даже смерть — все эти вещи требуют известной отстранённости. Я это правило нарушил, у меня дрожал от волнения голос, когда я к нему обратился с просьбой. Мы с ним оба поняли это сразу, и он постарался приободрить меня улыбкой, от чего я чувствовал себя ещё более потерянным. Вести пустые разговоры он не был настроен, к тому же было очевидно, что я торопился на встречу. Пробормотав слова благодарности и пообещав навестить его завтра на этом же месте, я ушёл.

На другой день я не удивился, найдя его сидящим на старом месте. Перед ним стояли два чернокожих ценителя фотоискусства, придирчиво разглядывая разбросанные по столику распечатки фотографий. Видно было, что фотографии не отвечали эстетическим запросам деловых партнёров. Не желая мешать, я кивнул фотографу и присел за соседний столик. Приняв меня за конкурента, чернокожие оценщики заметно

оживились — теперь они смотрелись куда более заинтересованными и разговорчивыми. Процесс отбора и оценки продолжался около часа, после чего визитёры отобрали солидную пачку фотографий, составили и подписали контракт и, заплатив фотографу аванс, удалились.

Я подсел к столику моего спасителя и протянул ему белый конверт с вложенным в него долгом. Мой визави взял конверт, собираясь положить его в карман. Я уже собирался задать какой-нибудь вопрос моему спасителю с возможной перспективой более близкого знакомства. Он поднял руку с конвертом, собираясь вложить его в нагрудный карман. Всё складывалось в обычную сценку лёгкого городского церемониала.

Дальнейшее ворвалось в эту идиллию с такой беспощадной жестокостью, какая, может быть, обычна во время войны, землетрясения или цунами, но едва ли вяжется с безмятежностью городского солнечного утра. За моей спиной, прямо надо мной, раздалась автоматная очередь, и вслед за тем срывающийся на истерику голос прокричал:

— Аллаху акбар! Аллаху акбар! Аллаху акбар!

И опять оглушительная автоматная очередь, и опять тот же срывающийся крик. И опять, и опять, и опять. Крики жертв я не слышал, их заглушали автоматные очереди и вопли убийцы. Я только наблюдал, как съезжали со стульев и ложились под столиками человеческие фигурки, неподвижные или закрывая голову обеими руками. Одновременно я слышал, как цепенела моя незащищённая спина, и не мог пошевелиться, ожидая каждую секунду рокового удара сзади.

Моё внимание привлёк фотограф, который всё ещё держал перед собой белый конверт. Неожиданно он встал и пошёл в сторону автоматчика, помахивая конвертом, как будто намереваясь передать тому какое-то послание. Я невольно разворачивался, следуя за ним взглядом. И тогда я увидел стрелявшего — это был молодой человек, который, наклонившись, менял обойму и потому на время прекратил стрельбу. Потом он распрямился, и я увидел смуглое лицо, напряжённые мышцы надбровья, усталость и тяжесть взгляда, следящего за приближающимся к нему фотографом. Фотограф подошел к нему вплотную, держа перед собой белый конверт. Будничным голосом он сказал:

— Аллах, конечно же, велик, но нельзя убивать истинно верующих.

— Где ты видишь истинно верующих? — закричал автоматчик и навёл на него дуло.

— Все люди верят в высшее в мире и в себе, — ответил ему фотограф и добавил: — Я принёс для тебя послание.

Дальше случилось нечто невообразимое: автоматчик взял из рук фотографа конверт, а фотограф взял у него автомат и, повесив себе на плечо, повёл молодого человека под руку к нашему столику. Юноша буквально рухнул на стул, на котором прежде сидел фотограф, голова его со стуком упала на столик, и он застыл в этой позе. Наступила пауза, которой, казалось, никто не ждал. Воспользовавшись ею, те, кто были в силах это сделать, начали выбираться из-под столиков и расползаться.

Зато появились два полицейских и наставили свои автоматы на всё ещё неподвижно сидящего террориста. Видимо, они ждали подкрепления, потому что, как только появилось ещё трое полицейских, все вместе они набросились на автоматчика, скрутили его и положили на асфальт. Тот лежал, с лицом, обращённым вниз, крепко сжимая в кулаке вывернутой за спину руки скомканный белый конверт.

Подъехали машины с мигалками, и автоматчика увезли. Только после этого завывли сирены полицейских и санитарных машин. Через минуту площадка была оцеплена.

Фотографа и меня отвезли в участок и долго, по отдельности, допрашивали. Когда меня выпустили, фотографа я нигде не обнаружил. На привычном месте его тоже не оказалось, так же как и столиков под каштанами. Площадь была умыта поливочными машинами.

На другое утро я прочитал в Интернете хронику о вчерашнем происшествии. Отмечалась блестящая работа полиции, которой удалось задержать живым матёрого террориста. Наши имена — фотографа и моё — за ненадобностью не упоминались.